Аграрная теория: концептуальные основы и современные представления.

Академик РАСХН И.Н.Буздалов

Аграрная теория: концептуальные основы и современные представления.

Ослабление внимания к аграрной теории с началом проводимых ныне реформ является очевидным фактом, негативно влияющим на системное решение узловых практических вопросов эффективного социально-экономического развития сельского хозяйства.

Во-первых, за последний период изданы единицы работ фундаментального характера, посвященных этой основополагающей области экономической науки. Из них по глубине анализа можно выделить коллективные монографии: “Аграрные отношения: теория, историческая практика, перспективы развития” (М. Наука, 1993 г.); “Сельскохозяйственная кооперация: теория, мировой опыт, проблемы возрождения в России” (М. Наука, 1997 г., 2-ое издание - 1998 г.); А.А.Никонов “Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (17-20 вв., М. 1995 г., изд-во ЭРД), причем две последние книги удостоены премии РАН им. А.В.Чаянова. Концептуальные аспекты аграрной теории, критика “устоявшихся” в советский период догм по ее принципиальным положениям изложены также в монографии “Теоретическое наследие аграрников-экономистов 50-80 годов и современная реформа в сельском хозяйстве. Люди, идеи, факты. (М. Академия, 2000 г.), а также в материалах “Никоновских чтений”, проводимых с 1997 г. ВИАПИ им. А.А.Никонова.

Во-вторых, теоретические обобщения и выводы авторов соответствующих изданий (В.Г.Венжера, А.А.Никонова, Т.И.Заславской, В.А.Тихонова, А.М.Емельянова, А.В.Петрикова, Г.И.Шмелева, Е.В.Серовой и других, включая автора данной статьи), встречают попытки поставить под сомнения эти обобщения и выводы, а также новые постановки, вытекающие из условий и закономерностей современного переходного периода. С поспешными, явно завышенными претензиями на научную истину, опирающимися на те же “устоявшиеся” представления и предрассудки в последнее время выступали А.А.Шутьков, В.В.Милосердов, В.В.Кузнецов, М.М.Макеенко и некоторые другие экономисты-аграрники, ранее не проявившие себя на тернистом поприще экономической теории. К ним примыкают со своеобразными комментариями или явными домыслами отдельные литераторы, политологи, журналисты.

Так, в истории теоретической аграрной мысли в России, истоки которой относятся к петровской эпохе, прогрессивные направления этой мысли особенно активизировались в связи с научными обоснованиями объективно назревшей, но преждевременно прерванной столыпинской аграрной реформы. Ее огромное, подлинно историческое значение определялось стратегической направленностью на раскрепощение “сильного” трудолюбивого крестьянина, прирожденного земледельца, от загнивавшего общинного (по словам С.Ю.Витте “стадного”) образа жизнедеятельности, на экономическую свободу, право частной собственности.

Какие только разоблачения и “смертные приговоры” не использовались в отношении концепции этой реформы, хотя только ее начальный период осуществления, несмотря на сопротивление “старьевщиков”, к 1913 г. дал внушительные результаты с точки зрения роста производства, развития производительных сил, не говоря уже о новых, свидетельствующих о жизненности и перспективности преобразований, стимулах к самостоятельному, а потому эффективному, созидательному труду “культурных” хозяев на “своей” земле. И вдруг сейчас, когда замшелые разоблачительные тезисы на эту тему, казалось бы, канули в лету, появляются современные “неостарьевщики” и критики аграрной реформы П.А.Столыпина. Причем эти критики, вооруженные посрамившейся по словам В.И.Ленина “теорией вчерашнего дня”, претендуют не меньше, как на единственно правильное понимание “сути и смысла” этой реформы. Якобы “подводя” ее результаты такие претенденты не утруждают себя пониманием того, что для завершения намеченных преобразований (и, следовательно, для действительного подведения этих результатов) требовалось не менее 20 лет спокойного и последовательного их осуществления, т.е. примерно до конца 20-х годов 21 в., а потому делают просто невероятные “открытия”. Один из таких “первооткрывателей” С.Г.Кара-Мурза, выдавая первые шаги реформы (5-6 лет) за ее окончательный итог поспешил поведать миру о том, что якобы вследствие реформы “Россия шла к постоянному массовому голоду” и что именно “Столыпин - один из главных творцов советского аграрного строя” (“Русский дом”, 2001 г., № 11, с. 16-17).

К таким явно псевдонаучным откровениям, к тому же подкрепленным подтасовкой или некорректным использованием статистических данных, при полном умолчании о том, что начатая в 1907 г. реформа, сопровождавшаяся активным противодействием противников частного землевладения, прошла лишь треть самого сложного ее необходимого для завершения периода, к самим авторам таких откровений, как говорят, нет вопросов. Есть люди, разного рода комментаторы, которые как советские пионеры “всегда готовы” выступать и давать “окончательные” ответы на любую тему. Для них (по М.Е.Салтыкову-Щедрину) лишь бы “калякать”, заявлять о

себе, не задумываясь о последствиях своих легковесных пророчеств и предсказаний.

Однако вопросы есть к некоторым, в частности упомянутым выше экономистам-аграрникам, по образованию профессионалам, но приверженцам этой же “теории вчерашнего дня”, которые по узловым вопросам подлинной аграрной теории, поставленным столыпинской реформой, прежде всего касающихся отношений собственности, форм ведения хозяйства, основной “опоры” эффективно развивающегося аграрного строя и т.д. в своих обобщениях или бездоказательных мнениях (“мы считаем”) далеко не ушли от умозаключений того же С.Г.Кара-Мурзы.

Разумеется, научная истина рождается в спорах и поэтому каждый имеет право высказывать свою точку зрения, свое мнение, в том числе право на научную фантастику. Но нельзя при этом забывать о главном - научной доказательности выдвигаемого положения, его соответствии самому понятию “теория”, как системе знаний, дающих целостное представление об объективных закономерностях и существенных связях развивающейся действительности, в данном случае аграрно-экономической. А эта действительность, отражающая естественное эволюционное развитие наряду с фундаментальными основами экономической теории применительно к аграрному строю инициирует и новые научные идеи. И здесь нельзя становится в псевдонаучную позу фальшивой принципиальности знаменитого героя из “Истории одного города”, твердившего: “новых идей не понимаю, не понимаю даже того, зачем их следует понимать”. “Понимать” только общину и вообще тосковать по старине, по какому-то “окостенелому” российскому менталитету - значит, заведомо посрамлять себя на живом, развивающемся поприще аграрной экономической теории.

Чтобы стоять на прочном фундаменте знания объективных закономерностей социально-экономического развития аграрного строя и тем самым владеть подлинно научной теорией этого развития указанные закономерности следует выявлять и рассматривать в их развитии через призму взаимозависимости и взаимодействии трех базовых основ общественного прогресса: человек - собственность - государство. В центре, точнее на вершине этого треугольника, естественно, стоит человек - главное действующее лицо в эволюционно развивающейся, обновляющейся и совершенствующейся хозяйственной практике, которая именно в таком развитии и является основополагающим критерием адекватно развивающейся экономической теории.

Иными словами не всякая экономическая практика дает убедительные факты для построения научной теории и тем более не всякая, в том числе “единственно верная теория”, как декларировала советская политэкономия со ссылками на ее классиков “правильно” освещает путь практике. Мирохозяйственные процессы, в том числе в аграрной сфере неизменно свидетельствуют, что критерием подлинно научной теории является практика, но не “насажденная” идеологическими фантазиями, вроде незаменимости в российской деревне общинных порядков, необходимости коллективизации, огосударствления и т.д., а практика эволюционного, прогрессивного, подчиненного “вечным” естественным законам поступательного развития, в котором всесторонне реализуется (можно ссылаться на научные авторитеты, а можно руководствоваться элементарным разумом) главный двигатель производства и общественного прогресса вообще - личный, прежде всего материальный, интерес человека.

Два условия или остальные названные две базовые основы этого прогресса необходимы для такой реализации: естественное и неприкосновенное право частной собственности (в индивидуальной или коллективной, по свободному выбору человека, хозяйственных формах) и адекватная личному интересу и праву частной собственности, следовательно, подчиненная этим основам регулирующая деятельность государства. Те же мирохозяйственные процессы показывают, что именно на таком органическом соединении и взаимодействии всех трех основ развития общества и прежде всего его социально-экономической составляющей зиждется вся методология аграрной теории. История российской аграрной экономической мысли при всех особенностях, драматических перипетиях и явно абсурдных “революционных” поворотах в хозяйственной практике не является исключением из этих общих методологических принципов. Иначе, по методу Кара-Мурзы доказывать можно что угодно и как угодно, лишь бы в своих умозаключениях не отрываться от пуповины пресловутой общины, этой, по С.Ю.Витте “примитивной формы” или ее советской разновидности - колхоза, этой уродливой формы кооператива (по словам Ленина, обыкновенной “богадельни”).

Если придерживаться научной методологии построения аграрной экономической теории с учетом ее исторической апробации на мировом цивилизованном пространстве успешного решения “аграрного вопроса”, то сущность этой теории можно свести к однозначному пониманию. А именно: научная теория аграрных отношений (или что то же - аграрная теория) есть вытекающая из эволюционно развивающейся по естественным “вечным” законам исторической практики жизнедеятельности крестьянства, система знаний, дающих целостное представление о движущих силах, формах, механизме эффективного хозяйствования на земле. Исследуя развитие аграрной теории во взаимосвязи с объективными закономерностями достижения рационального ведения сельского хозяйства и в рамках указанных трех базовых основ общественного прогресса в целом, важно исходить из обеспечения системности этого исследования, выделяя и предметно, в тесной взаимосвязи изучая структурные элементы этой теории.

Здесь сочетаются как общие, “народнохозяйственные” элементы системы: теория отношений собственности, теория рынка и его категорий, прежде всего теория ценообразования, теория экономического роста, теория предельной полезности, теория кризисов и т.д. так и специфические, присущие системе и механизму аграрных отношений. В

основное ядро собственно аграрной подсистемы экономической теории входят теория земельных отношений, в которой выделяется теория земельной собственности и теория земельной ренты, теория форм ведения хозяйства с выделением теоретических основ “преимуществ” крупного и “устойчивости” мелкого производства, теория аграрных кризисов, теория аграрного протекционизма. Особые теоретические подходы обусловливает специфика аграрной сферы в вопросах цен, налогообложения действия экономического механизма в сельском хозяйстве вообще.

В любой системе есть общая фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи и иерархической зависимости, “подчиненности” функционируют другие ее элементы, приоритетное значение которых в процессе исторического развития могут меняться. Однако в земледельческой практике, и следовательно, в аграрной теории неизменным был и остается приоритет отношений собственности, прежде всего земельной. Как обосновываются и решаются теоретические вопросы собственности в сельском хозяйстве, а следовательно, адекватно этому другие “производные” научные направления аграрной теории, так функционирует вся система аграрных отношений, так решается ее центральный, так называемый крестьянский вопрос. Или крестьянин, труженик земли задействован в общественной модели, где он в соответствии в объективными закономерностями социально-экономического развития свободно выбирает форму хозяйства и жизнедеятельности вообще, получая необходимое для этого содействие со стороны государства или, наоборот, государство, исходя из заявленных якобы “высоких”, но на деле абстрактных, надуманных идеологических фантазиях принудительно навязывает заведомо чуждую сельскому труженику форму жизнедеятельности, втискивая его в модель, где попираются гражданские и экономические свободы, “естественные” жизненные ориентации и общечеловеческие ценности.

История прогрессивной мировой экономической мысли, в том числе российской, однозначно свидетельствует о ее развитии от последней модели к первой, как бы не пытались институт собственности, прежде всего частной, как незаменимый в части реализации личного интереса, отодвинуть назад или куда-то в сторону от “законного” его центрального места в экономической, следовательно в аграрной теории и практике. Человек лишенный собственности или довольствующийся общей, обобществленной (совместно-ничейной) собственностью лишается стимулов творческого труда, житейской прочности и уверенности в будущем. Право частной собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование других форм и всей системы производственных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, обусловливая высокую степень научности экономической, соответственно, аграрной теории.

За рамки такого понимания сущности, роли и функций отношений собственности, прежде всего приоритетной и высокоэффективной ее формы - частной в демократическом правовом государстве, утверждающем и защищающем общечеловеческие ценности выходит пассивное или безразличное отношение к этой форме социальная группа маргиналов или людей по своей природе не способных быть рационально хозяйствующими собственниками; их “естественный” удел - наемный труд. Речь идет о “нормальных”, прирожденных “мирных детях труда”, об эффективных собственниках, на умелой, творческой хозяйственной деятельности которых, (составляющих активное аграрное “меньшинство”), развивается процветающее в экономическом и социальном плане сельское хозяйство цивилизованных стран мирового сообщества.

Из всего сказанного таким образом следует, что центральным объектом аграрной теории является непосредственный земледелец с его обладанием собственностью, отношением к собственности, к ее осуществленному материальному выражению, прежде всего к земле. В течение тысячелетий, тем более в эпохи, когда господствующей отраслью было сельское хозяйство, а основным его условием материального развития - земля, формировалась определяющая роль земельной собственности. Разложение первоначальной примитивной по своей сущности общинной собственности и формирование социальной группы эффективных собственников явилось закономерным следствием объективно обусловленного “естественного” стремления наиболее деятельных, предприимчивых людей иметь “свое” индивидуальное, частное владение землей, другими средствами производства.

Причем крупными собственниками, в том числе земельными, в разные исторические эпохи не только рождались (и по наследству оставались), а в рамках вечных, естественных законов развития человеческого общества благодаря индивидуальным призваниям и способностям становились граждане из “низших” сословий. Так, в эпоху крепостного права из числа простых российских крестьян, откупившихся от помещиков или освобождаемых последними закономерно и “социально справедливо” благодаря своему труду и знаниям выходили предприимчивые землевладельцы, успешные торговцы, и вообще, люди, выделявшиеся жизненными успехами в разных областях хозяйственной и всей общественной жизни, включая науку (например, Ломоносов стал не только великим ученым, но и “нормальным” частным собственником, что давало ему свободу и независимость).

Эта объективная закономерность, естественное стремление человека иметь “свое”, индивидуальное находила все более широкое отражение в трудах представителей российской экономической (в том числе аграрной) науки, прежде всего в “Книге о скудости и богатстве” И.Т.Посошкова, вышедшей в 1724 г., т.е. задолго до аналогичных идей и взглядов зарубежных ученых, прежде всего работ Ф.Кэне “Фермеры” (1756 г.); “Экономические принципы экономической политики земледельческого государства” (1767 г.), “Исследования о природе и причинах богатства народов” А.Смита (1776 г., русский перевод - 1802 г.) и т.д.

И.Т.Посошков не ставил непосредственно вопроса об отмене крепостного права, но в самой сути его книги четко просматривается и осуждается ее "противоестественность, ведущая к бедственному положению всей крестьянской массы". Книга этого фактически первого российского экономиста в России была издана лишь в 1842 г. Но ее идеи, направленные на облегчение и последующее устранение подневольной доли крестьян были подтверждены и развиты в трудах членов императорского вольного экономического общества (ИВЭО), участвовавших в работе его "Отделения сельскохозяйственной статистики и политической экономии", в реформаторских начинаниях М.М.Сперанского и особенно в резких и открытых обличениях крепостничества А.Н.Радищевым. Тем самым создавалась теоретическая база для проведения сначала половинчатой крестьянской реформы 1861 г., а затем радикальных реформаторских начинаний П.А.Столыпина по окончательному разрушению сохранившихся феодальных порядков и демократическому преобразованию полукрепостнического аграрного строя, представленного общиной с ее надельным земледелием, уравнительном переделом земель, круговой порукой, сословной замкнутостью и другими по словам В.И.Ленина "реакционными" чертами, поддерживавшими те же "традиции косности, забитости и отсталости".

Благодаря этим чертам община являлась тормозом развития производительных сил, а вследствие своей примитивной, первобытной "нивеляторской" природе препятствовала проявлению творческих способностей прирожденных земледельцев, "культурных" хозяев. Она лишала их важнейшей общечеловеческой ценности - права частной собственности, следовательно, свободного, предпринимательского труда. Одновременно община закрывала путь к становлению и развитию добровольных сельскохозяйственных кооперативов, объединяющих этих хозяев. т.е. самостоятельных членов-собственников земли и других средств производства и являющихся демократической формой более рационального использования этих средств и активной социальной защиты участников подлинного кооперативного движения в сельском хозяйстве и смежным с ним отраслях.

С этих позиций П.А.Столыпин являлся не "создателем" советского колхозно-кооперативного аграрного строя, по сути представлявшего собой уродливый прототип той же "одичалой" общинной системы жизнедеятельности крестьянства, а потенциальным разрушителем этого, по словам И.Ильина, "государственного крепостного строя" в деревне. Наоборот, он был идеологом становления демократической системы аграрных отношений, подчиненных объективным закономерностям их развития на приоритете частного землевладения при добровольном объединении самостоятельных сельских хозяев в те или иные формы обслуживающих кооперативов. И когда вслед за Кара-Мурзой акад РАСХН В.В.Милосердов, А.А.Шутьков и другие приверженцы "стадного" образа жизнедеятельности на земле (будь то община или ее совсем драконовский прообраз сталинский колхоз, или, наконец, государственное предприятие привлекают в свои свидетели одновременно и Л.Н.Толстого и А.В.Чаянова, то просто диву даешься преподносимому ими теоретическому винегрету.

Так С.Г.Кара-Мурза в той же отвлеченной от действительности манере повествует о своем другом "научном" открытии: "Замысел Столыпина вошел в конфликт с русской жизнью. В области разума ему противостояла русская агрономическая мысль, воплощенная в А.В.Чаянове. В области духа ему противостоял Л.Н.Толстой, выразитель философии крестьянства, "зеркало русской революции" (Русский дом, 2001 г., № 11, с. 17). Во-первых, о "противостоянии" (причем экономическом, а не агрономическом) замысла Столыпина и теоретических идей Чаянова автор ничего не говорит, хотя в принципе такового по центральному вопросу, т.е. частному крестьянскому землевладению его не было. Во-вторых, противостояние Толстого Столыпину (причем не столько духовного, сколько экономического, т.е. в вопросах формы землевладения - "общности" земли и частной собственности на нее крестьянина) носила со стороны писателя абстрактно- философский характер, который считал себя в этом вопросе только "ищущим", а в конечном счете "некомпетентным", "бессильным" (см. Гусев Н.Н. "Два года с Л.Н.Толстым", М., 1973, с. 170).

В таком же вольном и некорректном толковании отношения взглядов на крестьянский или аграрный "вопрос" Л.Н.Толстого преуспевают и некоторые из названных экономистов-аграрников, которые утверждают, что все российское крестьянство (видимо и до сих пор?) "желают свободы пользования землей, т.е. уничтожения права земельной собственности" (см. Милосердов В.В. "Крестьянский вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее", М. 1999, с. 150) и что прошедшие десятилетия в этих вопросах якобы "подтвердили мудрость великого писателя" (там же, с. 154). В других такого рода вольных рассуждениях автора упоминается имя А.В.Чаянова в контексте скромного "мнения" о том, что российский крестьянин исторически и бесповоротно обречен свой жизненный трудовой путь пройти в крупном, обязательно "коллективном хозяйстве" (АПК: экономика, управление, 2001 г., № 12, с. 9).

Но вот как заинтересовать члена такого хозяйства, т.е. того же колхоза или государственного сельскохозяйственного предприятия (госхоза), также эффективно и заинтересованно работать, как он работает в "своем" по сути частном, приусадебном семейном хозяйстве В.В.Милосердов скрывает, а точнее не знает или не хочет знать. Зайдя со своими, претендующими на высокую теорию, мнениями в тупик, он "озадачивает" науку, которая по установке критика "должна (подчеркнуто мною - И.Б.) искать пути решения этого вопроса" (там же), забывая, что именно советская экономическая аграрная наука 70 лет "искала" эти пути, но так и не нашла. А почему не могла найти - это давно популярно объяснил действительно писавший по этому поводу упомянутый критиком А.В.Чаянов. Беда таких теоретиков в том, что они всегда спешат со своими открытиями (а поспешишь - людей насмешишь) и не

удосуживаются повнимательнее познакомится с написанным. А написано было следующее: “Воля хозяина в капиталистическом предприятии и главы семьи в трудовой крестьянской семье, обеспечивают нам единство организационного плана и неуклонное проведение его в жизнь, коллективная же воля прежде всего слаба как воля организующая и предпринимательская, а во-вторых, слаба она и как воля принуждающая” (см. А.В.Чаянова “Основные идеи кооперации”, с. 350).

Не меньшая беда претендующих на “окончательные” теоретические умозаключения по аграрному вопросу в том, что обычно речь ведется ими о крестьянстве вообще, т.е. без дифференциации его на различные (по ценностным ориентациям, профессионализму. жизненному призванию, умственным и физическим способностям) социальные группы. Между тем дифференцированный подход к крестьянскому сословию - важнейший признак научности, доказательности принципиальных положений аграрной теории. Без этого, как это показал в своих “опусах “ М.М.Макеенко (см. АПК: экономика, управление, 2001 г., № 3, 5) его претензии на высокую теорию по справедливому замечанию проф. И.Я.Карлюка, отдают “теоретической беспомощностью”, а потому “не заслуживают какого-то критического разбора” (Международный сельскохозяйственный журнал, 2001 г., № 6, с. 64).

Ссылаются на разного рода опросы, что якобы большинство сельских жителей, бывших колхозников и рабочих совхозов выступают против частной земельной собственности, рынка земли. Если даже это так, то основной причиной такого отношения к земле является советская система аграрного строя и стоявшая за ним “передовая” аграрная теория. Общеизвестно, что с момента коллективизации в течение десятилетий крестьяне жили в тех же, а нередко даже худших в сравнении с примитивной общиной условиях “забитости и одичалости”, породивших прежде всего у этого “большинства” безразличие к обобществленной, совместно-ничейной собственности. Но и в этих условиях сохранилась спасительная для самого этого силой насажденного строя ниша в его структуре - приусадебное семейное хозяйство (устаревшее и несостоятельное по его сути название - ЛПХ), где со всей силой проявлялась жизнеутверждающая сила чувства и права частной собственности на земле. Только в этой сфере крестьянин хорошо и заинтересованно трудился, и фактически на труде владельцев этих ЛПХ существовало коллективное хозяйство с его по Чаянову слабой организующей и предпринимательской “волей”.

Во многом именно благодаря приусадебному семейному хозяйству, ныне дающему более половины всей сельскохозяйственной продукции, а также природной “прирожденности” многих жителей села к активной, предпринимательской деятельности у них вырабатывается принципиально иное, чем у нерадивых (а потому бедных) отношение к частной земельной собственности, к рынку земли. Видимо это действительно меньшинство, но это как раз те “культурные” хозяева, настоящие труженики земли, на предпринимательской частнохозяйственной деятельности которых успешно развивается сельское хозяйство передовых стран мира. На таких “сильных” хозяев должно в перспективе ориентироваться и сельское хозяйство России, а не на большинство, на неумелых, лодырей и т.д. иными словами на маргиналов (на “бедноту” по большевистской терминологии).

Безинициативные из этого большинства, по своей “природе” неспособные эффективно хозяйствовать, тем более в жестких условиях рынка, могут и должны в соответствии с объективными закономерностями общественного разделения труда находить применение своих способностей в качестве наемных работников у мелких и крупных сельских предпринимателей, в других сферах экономики. Тем, которые не найдут такого применения придется поусерднее трудиться в своем приусадебном семейном хозяйстве, или в том же колхозе. Как говорится - каждому свое. Популистские “заботы” о крестьянстве, о сельском хозяйстве вообще - это удел приверженцев политического и вместе с тем теоретического “митингования”, не имеющего ничего общего с подлинной аграрной экономической наукой и рационально организованной практикой эффективного ведения сельского хозяйства.

Нет ничего “опасного” в связи с этим в формировании представителями “меньшинства” так называемых “латифундий”. Они существовали в советском сельском хозяйстве с размерами в 20-30 и более тысяч гектаров земли и никто этим не возмущался, хотя их неуправляемость, низкая вследствие отчуждения работников от средств производства эффективность была очевидной. Иное дело крупное частное хозяйство, которое в рыночных условиях имеет указанные с критерием эффективности оптимальные по размерам землевладения объективно необходимые “естественные” ограничения. Если оно и называется латифундией, но рационально используя землю и труд наемных работников дает обществу массу дешевой качественной продукции, то это благо для людей и государства. Противопоставить этим доводам и аргументам можно лишь советские политэкономические лозунги и сказки вроде той, что латифундия как “крупное помещичье землевладение оказывало губительное влияние на состояние земледелия” (Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М. Советская энциклопедия, 1975 г., с. 334).

В действительности многие такие латифундии, крупные помещичьи имения являлись образцом “культурного” ведения хозяйства, внедрения новых технологий, использования урожайных сортов растений, высокопродуктивных пород животных. “Социалистические” преобразования их в рамках политики национализации, т.е. ликвидации частной собственности в совхозы привели к подрыву этой культуры и по признанию Ленина в части эффективности хозяйствования стали играть “скверную роль”. Так что преимущества крупного производства определяются не столько его размерами, сколько формой собственности при неоспоримом, подтверждаемом мировой практикой приоритете частного землевладения. В этом заключается важнейший методологический постулат теории крупного производства в сельском хозяйстве. Этого никак не могут усвоить приверженцы необольшевистских представлений

о крупном хозяйстве, как “колхозно-кооперативном” (на деле лжекооперативном) или государственном, на “казенное” имущество которых то же по Ленину люди, особенно “беднота”, смотрят как “на материал, чтобы его злостно попортить”(ПСС, т. 36, с. 265).

Теории преимуществ крупного производства, обусловленных правом частной собственности и рыночным механизмом реализации этого права не противостоит теория “устойчивости”, следовательно, определенных преимуществ мелкого хозяйства. Эту устойчивость, преимущества, прежде всего в части активной мотивации к производительному труду, хозяйскому отношению к земле наглядно продемонстрировали и демонстрируют владельцы приусадебных семейных хозяйств, а в современном мире семейные фермерские хозяйства.

Ничего научно доказательного не содержат в себе “открытия” по поводу якобы “подсобного” значения приусадебных хозяйств, их развития за счет общественных кормовых угодий, некоторых услуг (предоставление транспорта и т.д.). На самом деле эти услуги, как и получаемые с общих угодий корма лишь частично компенсируют то, что колхозы десятилетиями не доплачивали и не доплачивают сейчас своим членам - владельцам семейных подворий за труд на совместно-ничейных полях и фермах. Поэтому пресловутая “пуповина” тянется не столько от колхоза к частному приусадебному семейному хозяйству, сколько наоборот: колхоз выполнял и выполняет “подсобно-обслуживающие” функции, вообще существуя на труде владельцев этих хозяйств (по сути самостоятельного уклада в ныне существующей структуре аграрного сектора).

Этим владельцам нужен не колхоз, т.е. лжекооператив, а нормальный сельскохозяйственный кооператив с правом каждого добровольно вступать и свободно выходить из него со своим паем (в т.ч. земельным) для дальнейшего самостоятельного индивидуального хозяйствования, создания фермерского хозяйства. Но чтобы сельскохозяйственные кооперативы успешно развивались необходимы по меньшей мере три условия: 1) разработка и применение к современным переходным условиям последовательно научной теории кооперации; 2) применение адекватного этой теории кооперативного законодательства и 3) государственная экономическая поддержка возрождающейся сельскохозяйственной кооперации, прежде всего ее вертикальных форм (производственные кооперативы вследствие их серьезных внутренних противоречий, подробно рассмотренных в отмеченной выше монографии по теории и мировому опыту сельскохозяйственной кооперации, не нашли в мире широкого распространения).

В современный переходный период производственные формы кооперации в России не исключаются. Но для их нормального развития, а главное для эффективного функционирования приоритетных, вертикальных форм кооперации необходимо адекватное кооперативное законодательство, которому в принципиальных положениях и нормах не отвечает действующий Закон о сельскохозяйственной кооперации. Основные пороки этого правового документа, подробно раскрытые в указанной монографии, заключаются прежде всего “вмонтированием” в него псевдокооперативных, колхозных принципов, ограничений свободного выхода из кооператива его членов со “своей” землей и другим имуществом, кооперативной демократии вообще, равно как и ограничения или отрицания предпринимательской коммерческой деятельности кооперативов, прежде всех их вертикальных форм.

Несоответствие важных норм закона принципам кооперации обусловлена, во-первых, тем, что авторы закона далеко не отрешились от пресловутой искусственной “колхозно-кооперативной” концепции и во-вторых, не восприняли важных основополагающих положений кооперативной теории с учетом ее развития под влиянием меняющихся общественно-политических и социально-экономических условий функционирования кооперативных форм, прежде всего включения их функционирования в современный механизм рыночных отношений.

В связи с этим в правовом плане необходимо:

·четкое юридическое определение социально-экономической сущности кооператива, отличающее его от акционерных и других типов коллективных предприятий (в том числе колхозов);

· четкое функциональное разграничение производственных и вертикальных кооперативов, исключение из закона всех упоминаний о колхозе, как совершенно иной формы объединения, предполагающей принципиально адекватные правовые нормы функционирования;

· установить четкий перечень разрешенной деятельности для кооперативов, а также основные обязательные (отвечающие основополагающим принципам кооперации) положения уставов различных видов кооперативов;

· однозначное определение отвечающих этим положениям паевых отношений как производственных, так и обслуживающих кооперативов;

· распределительные отношения в кооперативе увязывать не только с трудовым вкладом, но и размером паевого капитала, прежде всего земельной доли, вносимой в производственный кооператив;

· отнесение регулирования отдельных сторон функционирования кооперативной деятельности к соответствующему общему законодательству страны (гражданскому кодексу, трудовому, земельному и прочему экономическому

законодательству);

· учитывать особенности кооперативной деятельности в антимонопольном и налоговом законодательстве;

· "органическое" включение экономического механизма кооперативной деятельности в единый механизм рыночных отношений.

Наследие, оставленное "зачинателями" кооперативного движения, как якобы "противопоказанного" законом и принципам рыночной экономики, рыночному бизнесу, предпринимательству, прибыльности и т.д., к сожалению, еще сохраняется в сознании некоторых современных кооператоров и является существенным тормозом развития этого движения, особенно в сельском хозяйстве. В связи с этим возрождение сельскохозяйственной кооперации предполагает серьезные и более глубокое теоретическое осмысление самой рыночной концепции, учитывая, что кооперативные формы оказывались эффективными лишь тогда, когда нормально функционировал рынок. Ориентация на прибыль и для кооперативов как субъектов рынка составляет основу здоровой конкуренции и выявления конкурентоспособности предпринимательских рыночных структур, включая кооперативные.

Чтобы как-то "смягчить" рассмотренные явные неувязки в доказательствах второстепенности цели получения прибыли, по сути отрицания или умаления предпринимательского характера кооперативной деятельности в условиях рынка некоторые авторы исходят из явно искусственной методологической предпосылки. Они утверждают, что интерес и цель получать "выгоды" в форме прибыли могут иметь члены кооператива, но для самого кооператива это нечто второстепенное, необязательное, что является экономическим абсурдом. Если члены кооператива, его хозяева и распорядители, работающие в рыночной системе заинтересованы в получении наибольшей экономической выгоды, по сути в "максимальной" прибыли, то как может быть не заинтересован в этом кооператив в целом? Ясно, что такого рода теория требует существенной корректировки, если не ее принципиального пересмотра, причем по отношению к любым видам кооперативов, включая обслуживающие. Эта теория должна учитывать качественно новое состояния мирового кооперативного движения и роли рынка в его развитии.

С целью "реабилитировать" устаревшую версию о бесприбыльности и некоммерческом характере кооператива, особенно в сельском хозяйстве, некоторые современные пропагандисты и участники кооперативного движения говорят, что постулатом бесприбыльности можно защищаться от тягот налогообложения. Но это, опять-таки, попытка вывести кооперацию за рамки рыночной системы и требований законов рынка. Что касается сельскохозяйственной и некоторых других видов кооперации, выполняющих особые экономические и социальные функции, то к ним в принципе должно быть применено льготное налогообложение. Упорное научное и правовое нежелание творчески подойти к кооперации и ее принципам, прямолинейное отстаивание "чистоты" этих принципов не способствует развитию ни теории, ни практики кооперативного движения, следовательно, возрождению и эффективному функционированию всех форм кооперативного предпринимательства в сельском хозяйстве и во всей современной агропромышленной системе страны.

Бесспорно, что нельзя эти формы ставить в один ряд с предпринимательскими рыночными структурами "большого бизнеса", но нельзя и не опираться на общие закономерности и принципы этого бизнеса. Истина здесь где-то посередине, т.е. правильнее будет определять кооперативы, как особые формы коллективного рыночного предпринимательства с активной социальной направленностью и государственной экономической защитой членов-собственников кооперативных объединений.

В разработке аграрной теории важное, хотя и явно преувеличенное, искаженное в марксистском наследии значение является теория земельной ренты, прежде всего ее денежной формы, адекватной развитой системе рыночных отношений. Актуальность и народнохозяйственная важность предметного исследования данной проблемы обусловлена ее органической связью с теорией и механизмом реализации земельной собственности, ценообразованием, распределительными отношениями, прежде всего, налоговой системой. Экономическое регулирование рентных отношений в соответствии с законами рынка и особенностями их проявления в сельском хозяйстве создает необходимые стимулы интенсификации и рационального использования самой земли, обеспечивает сельскохозяйственным товаропроизводителям равные условия воспроизводства, исключает получение их отдельным группам неоправданных доходов, позволяет создавать государственные фонды для улучшения всех земельных угодий.

Общее состояние научной разработки проблемы ренты, особенно земельной, в современных экономических исследованиях в стране можно оценивать как стоящее на заднем плане. Особенно отстает исследование теории рентных отношений. В советский период достижения мировой экономической науки, в том числе аграрной, включая положения классиков теории земельной ренты (А.Смита, Д.Рикардо и др.), с высокомерием и легковесностью аргументов отвергались. В итоге была создана искусственная конструкция абсолютной ренты, а затем "социалистической" земельной ренты, исходившая из огосударствленной системы земельных отношений, уничтожения частной собственности на землю, равно как и товарного производства, закона стоимости, соответственно цены, других рыночных категорий и регуляторов.

Всякие попытки опираться на общеэкономические принципы функционирования рынка, следовательно, на "естественные", объективно обусловленные предпосылки и причины образования земельной ренты в ее реальных конкретных формах, квалифицировались как "сползание" на буржуазные позиции в аграрной науке и подкреплялись соответствующими хлесткими ярлыками.

Исходя из якобы преимуществ силой насажденной социалистической системы хозяйствования и научно обслуживающей ее политической экономии социализма, декларировалось, что раз в этой системе исключается частная земельная собственность, объективная регулирующая роль рынка, исчезает не только сконструированная на этой базе К.Марксом абсолютная, но и дифференциальная рента. Правда, дифференциальная рента была затем реабилитирована, но распространялась лишь в рамках централизованных псевдоплановых регуляторов ее образования и распределения при "подчиненной" роли рыночных отношений. Теперь ситуация с земельной собственностью и функциями рынка радикально изменилась и оказалось, что во многих принципиальных вопросах проблемы, включая ее концептуальные, теоретические аспекты, оказались правыми так называемые "буржуазные" экономисты.

Но из этого не следует, что все в этой сложной и противоречивой проблеме уже ясно и остается только заниматься чисто техническими, бухгалтерскими вопросами учета и распределения земельной ренты. Если раньше, по словам П.Маслова, К.Марксу удалось сделать по этой проблеме лишь "черновые наброски", то и до сих пор экономические теории ренты "являются еще весьма несовершенными; среди авторитетных специалистов существуют разные подходы к определению, объяснению и выводам относительно доходов, получаемых не в виде заработной платы"[1]. Особенно это относится к доходу в форме земельной ренты, тем более, если ее рассматривать применительно к современным российским условиям перехода к рынку, происходящим преобразованиям отношений земельной собственности, действию ценового механизма, использованию налоговой системы и т.д. Учитывая это, актуальными, требующими новых подходов, являются вопросы самого понятия, соответственно теории земельной ренты и на этой основе разработки эффективного экономического механизма рентных отношений, связанных с владением, распоряжением и использованием сельскохозяйственных земель.

Выяснение сущности земельной ренты предполагает прежде всего исходить из последовательно научных теоретических воззрений на эту экономическую категорию. Рассмотрение этих, равно как и разного рода "любительских" воззрений, противоречивой специальной литературы по теории вопроса является предметом специального исследования. Здесь лишь отметим, что хотя в таком исследовании ныне снимаются многие искусственные наслоения, связанные с так называемой "критикой" буржуазных теорий земельной ренты и вообще умозрительными построениями теории рентных отношений "при социализме", принципиально важно определиться, прежде всего, в исходных методологических положениях, взяв за базу те из них, которые являются бесспорными или достоверно научно доказанными, проверенными мировой практикой хозяйствования на земле.

Определяющее из этих положений сводится к тому, что образование, распределение и присвоение ренты обусловлено общими экономическими законами развития материального производства или, по выражению Д.Рикардо, "вечными естественными законами" функционирования этого производства. В этом смысле нет ренты феодальной, капиталистической, социалистической и т.д., а есть рента как общеисторическая экономическая категория со спецификой ее проявления, распределения и присвоения в различных общественных формациях. С этих позиций различаются лишь формы ренты с особенностями механизма ее экономической реализации в зависимости от уровня развития производительных сил и складывающейся на каждом данном этапе развития системы производственных отношений.

В связи с этим в данной статье затронем лишь один, вносящий путаницу в суть этой важной экономической категории принципиальный вопрос - теорию земельной ренты, связанный с искусственной конструкцией ее "абсолютной" формы. Во-первых, реальная система земельных отношений и реально действующий рыночный механизм и его составная часть рентный не подтверждает существование так называемой "абсолютной" ренты. Анализ однозначно свидетельствует правоту в этом отношении Д.Рикардо и других классиков земельной ренты и надуманность соответствующей конструкции К.Маркса. Во-вторых, эта конструкция носит явно выраженную идеологическую "начинку" имеющую цель "обосновать" ликвидацию частной собственности на землю, ее национализацию. Надуманной оказалась и экономическая предпосылка для образования этой формы ренты, за которую выдавались как закономерное низкое органическое строение капитала в сельском хозяйстве.

Несостоятельность "теории" абсолютной ренты и "отмирание" дифференциальной ренты, в частности, подробно раскрыты в упомянутой монографии "Аграрные отношения, теория, историческая практика, перспективы развития" (с. 30-49), книге Г.И.Шмелева "Аграрная политика и аграрные отношения в России в 20 веке" (М. Наука, 2000 г., (с. 57-72)), в других публикациях автора. Но как и в отношении рассмотренных выше узловых вопросов аграрной теории появляются "ниспровергающие" доводы разума и аргументы реальной действительности "мнения" и целые "опусы", производящие ощущения сухого дождя. С такими опусами, в самом деле "потраченными молью" в журнале "АПК: экономика, управление" № 7 за 2001 г. выступил проф. М.М.Макеенко.

Чего стоит этот его рентный опус под названием "Как рождаются мифы", читателю достаточно познакомится со

статьей члена-корреспондента РАН и РАСХН Г.И.Шмелева в издании материалов Международной научно-практической конференции “Никоновские чтения - 2002” (М. 2002 г., ЭРД, с. 223-230). Раскрывая ту же, отмеченную проф. И.Я.Карлюком, “теоретическую беспомощность” критики, Г.И.Шмелев отмечает: “Уважаемый профессор воюет не со мной, а сам с собою, создавая мифы и их же разрушая”, а поэтому занятие опровергать их - “пустая трата времени и бумаги” (с. 324). Чтобы придать, мягко говоря, своим неудачным претензиям на высокую теорию вместо научных доказательных аргументов М.М.Макеенко “украшает” эти претензии именами Ромен Роллана, Жан де Лабрюйера, Люк де Клапье де Вовранга и прочих, далеких от существа вопроса исторических лиц. По этому легковесному приему научной полемики Г.И.Шмелев справедливо замечает: “Уважаемый, не говорите красиво, лучше говорите по делу и доказательно”.

Разумеется, право каждого выступать на поприще аграрной и вообще экономической теории. Но чем заранее подставлять себя , будучи не подготовленным уверенно и осмысленно “карабкаться” по ее каменистым уступам”, не лучше ли предметное и продуктивнее проявлять свои способности в более доступных, не требующих большого аналитического напряжения, сферах научной, а возможно и иной деятельности? Иметь научную степень или звание это еще далеко не значит, что нужно спешить выступать, а тем более заносчиво и невпопад “поучать” оппонентов в такой сложной “интеллектоемкой” области экономической науки, как теория.

Достижение здесь если не “сияющих вершин”, то хотя бы скромных успехов предполагает наличие если не определенных “прирожденных” аналитических способностей, то хотя бы серьезных специальных работ, как результатов минимум двух-трех десятилетий “прилежного” труда на этом стратегическом направлении развития научной мысли, а еще лучше - в сочетании с рядовой практической деятельностью непосредственно на производстве. Не пройдя школу трудовой почти бесплатной принудиловки в общинно-казарменной атмосфере колхоза, автор данной статьи вряд ли стал бы упражняться в конструкциях, умозрительных теоретических “открытий” и любительских “опусов”, как это делают некоторые современные “старьевщики” и приверженцы теории “вчерашнего дня”.

---

[1] К.Макконнелл и С.Брю. “Экономикс”, т. 2, М., 1992. Изд-во “Республика”, с. 179

Назад в раздел

Поделиться...

© «Битрикс», 2001-2006